

Как измерить духовность? Обзор новых методик исследования духовности*

А. О. Блинкова

Столичный университет Осло,
Норвегия, 0130, Осло, пл. Святого Олафа, а/я 4

Для цитирования: Блинкова О. А. Как измерить духовность? Обзор новых методик исследования духовности // Вопросы теологии. 2023. Т. 5, № 1. С. 147–164.
<https://doi.org/10.21638/spbu28.2023.109>

Несостоятельность универсализма теории секуляризации и рост присутствия религии в общественной жизни привели к появлению новой парадигмы в социологии религии, согласно которой религия не теряет своего социального значения, а трансформируется и видоизменяется. Происходит дифференциация религиозности и духовности, где последняя зачастую выступает как более широкий конструкт, включающий в себя понятие религиозности. В статье представлен аналитический обзор некоторых новейших подходов и результатов исследований, опубликованных в монографии «Измерение духовности в многоликом мире» под редакцией Э. Л. Ай, П. Винка и др. в 2021 г. и актуальных для дальнейшего применения данных методов в комплексном изучении духовности студенческой молодежи. В ходе исследования сообразно с новыми представлениями в социологии и психологии религии уточнено определение понятия «духовность», широко используемого в образовательной среде, а также проанализированы три новейших подхода к исследованию духовности, включающие исследование «новой» духовности, (не)духовности/(не)религиозности и духовности как части смысла жизни; выявлены потенциально слабые и сильные стороны этих подходов. Обзор новейших зарубежных теорий и методик в исследовании духовности, развивающихся в рамках социологии и психологии религии, вносит вклад в междисциплинарный обмен знаниями, приглашая исследователей из других гуманитарных областей к апробации имеющихся зарубежных методик в российском контексте.

Ключевые слова: духовность, религиозность, социология религии, психология религии, студенческая молодежь.

Введение

Процессы секуляризации в странах Западной Европы и уменьшение роли институциональной религии в жизни европейцев, породив теорию

---

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 21-011-44224 «Факторы формирования социокультурной идентичности студентов в условиях поликонфессиональности: теологический и психолого-педагогический подходы».

- © Санкт-Петербургский государственный университет, 2023
- © Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2023

секуляризации (Т. Парсонс, ранний П. Бергер, Т. Лукман и др.)¹, называемую также «старой парадигмой»², занимающую главенствующее положение в социологии религии на протяжении последних ста лет, на долгое время исключили религиозный фактор из поля зрения социальных наук, превратив его в пережиток прошлого. Однако несостоятельность универсализма теории секуляризации и рост присутствия религии в общественной жизни, в том числе в странах Западной Европы (преимущественно за счет иммигрантов из мусульманских стран), привели в начале XXI в. к появлению «третьей парадигмы»³ в социологии религии (Л. Вудхед, Г. Дэви, П. Хилас и др.), согласно которой религия не теряет своего социального значения, а трансформируется и видоизменяется в процессе духовного поворота, «исторического перелома» (П. Ван дер Веер)⁴. В центре внимания методологии оказываются не социальные процессы и группы индивидов, а социальные и символические отношения, в которых религия выступает не определенной культурной или общественной формой, а социальным конструктом⁵. Таким образом, происходит дифференциация религиозности и духовности, где последняя уже не является обязательным проявлением первой, а включает в себя более широкий спектр взглядов, выходящих за пределы религиозной традиции⁶.

На протяжении последних 30 лет социология и психология религии активно развиваются на Западе, привлекая в то же время неевропейских исследователей различных гуманитарных областей знания, обращающих внимание на связь религии и духовности с общим благосостоянием (wellbeing) и «духовным здоровьем», функционированием личности, социальными отношениями и поведением среди представителей различных групп, в том числе студенческой молодежи⁷. Студенческий возраст привлекает к себе особое внимание в исследованиях духовности, поскольку

¹ См. подробнее: *Узланер Д.* Конец религии? История теории секуляризации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

² См., напр.: *Warner R. S.* Work in progress toward a new paradigm for the sociological study of religion in the United States // *American Journal of Sociology*. 1994. Vol. 98. P. 1044–1093.

³ «Новая», или вторая, парадигма была вдохновлена американским контекстом с его религиозным рынком. В рамках этой парадигмы упадок религиозности объясняется рыночными механизмами. См. подробнее: *Ibid.*

⁴ *Van der Veer P.* Spirituality in modern society // *Social Research*. 2009. Vol. 76, no. 4. P. 1097–1120.

⁵ См., напр.: *Woodhead L.* Old, new, and emerging paradigms in the sociological study of religion // *Nordic Journal of Religion and Society*. 2009. Vol. 22, no. 2. P. 103–121.

⁶ См. об этом: *Heelas P., Woodhead L.* The spiritual revolution: Why religion is giving way to spirituality. Oxford, UK: Blackwell, 2005.

⁷ См., напр.: *Adams T. B., Bezner J. R., Drabbs M. E., Zambarano R. J., Steinhart M. A.* Conceptualization and measurement of the spiritual and psychological dimensions of wellness in a college population // *Journal of American College Health*. 2000. Vol. 44. P. 165–173; *Dennis D., Muller S. M., Miller K., Banerjee P.* Spirituality among a college student cohort: A quantitative assessment // *American Journal of Health Education*. 2004. Vol. 35. P. 220–227; *Salsman J. M., Brown T. L., Bretching E. H., Carlson C. R.* The link between religion and spirituality and psycho-

является важнейшим периодом для понимания духовного и религиозного становления молодежи⁸. В одном из первых трудов по психологии религии опубликованы результаты исследования, посвященного изучению развития религиозной жизни людей и периода их религиозного пробуждения. Обращается внимание на то, что юность — то время жизни, когда индивид наиболее склонен к вовлечению в религиозную жизнь и религиозному пробуждению⁹.

Рецепция зарубежного опыта исследования религиозности и духовности практически не находит отклика у российских исследователей, за исключением авторов ограниченного числа теоретических и эмпирических работ¹⁰. Рассмотреть весь имеющийся зарубежный опыт последних лет, касающийся изучения религиозности и духовности, в рамках одной статьи не представляется возможным. Цель данного исследования — краткий обзор существующих новейших определений духовности, а также отдельных подходов и конкретных шкал измерения религиозности и духовности, описанных в 2021 г. в авторитетном издании «Измерение духовности в многоликом мире» под редакцией Э. Л. Ай, П. Винка и др.¹¹ и, по нашему мнению, представляющих особый интерес для дальнейшего применения данных методов в комплексном изучении духовности российского студенчества.

1. Обзор литературы

В раннехристианской церкви понятие «духовность» использовалось иначе, чем сегодня. Духовность была частью теологии, которая имела дело с «христианским совершенствованием», достигаемым путем согласования воли с действием благодати¹². Она выступала сферой жизни, которая порождается и вдохновляется Богом, и была связана скорее с Его активным

---

logical adjustment: The mediating role of optimism and social support // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. Vol. 31. P. 522–535.

⁸ См. об этом: *King P. E., Boyatzis C. J.* Exploring adolescent spiritual and religious development: Current and future theoretical and empirical perspectives // *Applied Developmental Science*. 2004. Vol. 8, no. 1. P. 2–6.

⁹ *Starbuck E. D.* The psychology of religion: An empirical study of the growth of religious consciousness. London: Cornell University Library, 1899.

¹⁰ *Степанова Е. А.* Новая духовность и старые религии // *Религиоведение*. 2011. № 1. С. 127–134; *Руткевич Е. Д.*: 1) От «религиозности» к «духовности»: европейский контекст // *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2014. Вып. 1. С. 5–25; 2) «Социология духовности»: проблемы становления // *Вестник Института социологии*. 2014. № 9. С. 36–65; *Nartova-Bochaver S., Donat M., Rüprich C.* Subjective well-being from a just-world perspective: A multi-dimensional approach in a student sample // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. Art. 1739.

¹¹ *Assessing spirituality in a diverse world / eds L. A. Ai, P. Wink, R. F. Paloutzian, K. A. Harris.* Switzerland: Springer, 2021.

¹² См. об этом: *Pourrat P.* Christian spirituality in the Middle Ages. London: Burns Oates and Washbourne, 1924.

присутствием в жизни человека, нежели с личным внутренним опытом¹³. Так, в дореволюционном труде Н. Д. Гурьева «О добре и зле» духовность определяется через причастность Святому Духу и концепцию «духовных даров» апостола Павла (Гал 5:23), т. е. является выражением «преобладания в жизни человека труда ради их приобретения»¹⁴.

В отличие от христианской онтологии с трансцендентным прежде-сущим Богом, современные голландские социологи религии Д. Хутман, П. Хилас и П. Ахтерберг рассматривают «новую духовность» как наличие постоянной нетеистической силы (энергии, жизненной силы, силы, природы, витальности, страсти, жизни и т. д.), в которой сакральное воспринимается как имманентное и, следовательно, присущее этому посюстороннему миру. Иными словами, принадлежавшая ранее трансцендентному, новая духовность концентрируется на человеке, проистекая из осознания им своего существования и опыта внутренних переживаний, которые задают цель, смысл и ценность жизни. Таким образом, традиционные проявления религиозности рассматриваются как вторичные по причине неизбежного искажения понимания сакрального вследствие интерпретации, перевода, манипуляции и т. п. Первичными же методами познания сакрального выступают чистое сознание, осознанность, восприятие, чувствование, понимание (ухватывание смысла путем чувственного восприятия), интуиция, иногда внутреннее чувствование или слышание¹⁵.

В 2018 г. был опубликован сборник «Измерение духовности/религиозности», изданный известным журналом «Религии» (Religions). В него вошли статьи 2017–2018 гг., посвященные в основном исследованию религиозности и/или духовности в клинических условиях. Ф. Остин, Дж. Макдоналд и Р. МакЛеод разводят инструментарию, измеряющие религиозность и духовность, следующим образом: измерение религиозности включает в себя приверженность вероучению, доктрине, этике, ритуалам, текстам и практикам, ассоциируемым с высшей силой, тогда как в духовность входят внутренний опыт и переживания, через призму которых человек внутренним образом пытается обрести смысл и цель своего существования, а также определяет отношение к самому себе, семье, другим людям, обществу, природе и священному или значимому¹⁶. Тем не менее не во всех

¹³ См. подробнее: Ng N. Spirituality and theology. A review and perspective of their relationship // *Theology*. 2001. Vol. 104, no. 818. P. 115–122; Шмонин Д. В.: 1) О философии иезуитов, или «Три крупницы золота в шлаке схоластики» // *Вопросы философии*. 2002. № 5. С. 141–152; 2) Схоластическая образовательная парадигма в контексте исторических форм трансляции знания: к постановке проблемы // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2013. № 2. С. 32–37.

¹⁴ Гурьев Н. Д. О добре и зле. М.: Прометей, 1990.

¹⁵ Houtman D., Heelas P., Achterberg P. Counting spirituality? Survey methodology after the spiritual turn // *Annual Review of the Sociology of Religion*. 2012. Vol. 3. P. 25–44.

¹⁶ Austin P, Macdonald J, MacLeod R. Measuring spirituality and religiosity in clinical settings: A scoping review of available instruments // *Measures of spirituality/religiosity* / ed. by A. Büssing. Basel; Beijing; Wuhan; Barcelona; Belgrade: MDPI Books, 2018. P. 2–15.

культурах отношение индивида к священному приписывается области духовности. Так, студенты Юго-Восточной Азии скорее соотносят понятие священного с религией, нежели с духовностью¹⁷. Некоторые определения сакрального, встроенные в традиции восточных религий, могут быть проинтерпретированы западным взглядом как секулярные и даже атеистические¹⁸.

Иными словами, как не существует единого определения религии, так и духовность является многомерным понятием. Некоторые исследователи категорично разводят религиозность и духовность, настаивая на том, что духовность как неотъемлемое качество природы человека предшествует религиозности¹⁹, а также может значительно отличаться от нее, поскольку религия — продукт человечества, а духовность — его врожденное качество²⁰. Однако другие ученые не видят противоречия между религиозностью и духовностью и говорят об их переплетении, где духовность зачастую выступает шире институциональной религии²¹ либо где религия трактуется как более всеобъемлющее понятие, «необязательно подразумевающее под собой веру в Бога, богов, духов, но отсылающее к опыту сакрального, и, следовательно, относящееся к идеям бытия, смысла и истины»²², что подчеркивает субъективный и индивидуальный аспекты религиозного опыта.

В российской академической мысли понятие духовности, став одним из наиболее популярных терминов как в педагогической, так и в социологической и психологической литературе последних лет, является настолько размытым концептом, что зачастую включает в себя взаимоисключающие понятия, нередко выходящие за рамки научности²³. В 2014 г. исследовательский коллектив Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета выпустил обзорную статью²⁴, авторы которой обозначили

¹⁷ См. об этом: *Baring R., Sarmiento P.J., Sibug N., Lumanlan P., Bonus B., Samia C., Reyson S.* Filipino College students' attitudes towards religion: An analysis of the underlying factors // *Ibid.* P. 102–115.

¹⁸ См. подробнее: *Ai A.L., Wink P.* Introduction // *Assessing spirituality in a diverse world.* P. 3–14.

¹⁹ *Fahlberg L.L., Fahlberg L.A.* Exploring spirituality and consciousness with an expanded science: Beyond the ego with empiricism, phenomenology, and contemplation // *American Journal of Health Promotion.* 1991. Vol. 5, no. 4. P. 273–281.

²⁰ *Chandler C., Holden J., Kolander C.* Counseling for spiritual wellness: Theory and practice // *Journal of Counseling and Development.* 1992. Vol. 71, no. 2. P. 168–175.

²¹ Религия есть только один из вариантов путей понимания и достижения духовности. См. об этом: *Nolan P., Crawford P.* Towards a rhetoric of spirituality in mental health care // *Journal of Advanced Nursing.* 1997. Vol. 26. P. 289–294.

²² *Eliade M.* The quest: History and meaning in religion. Chicago: The University of Chicago Press, 1969. P. i.

²³ См. об этом: *Шмонин Д. В.* «Толедские принципы» и теология в школе // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* 2017. Т. 35, № 4. С. 72–88.

²⁴ *Колкунова К. А., Малевич Т. В.* Понятие «духовность» в современной российской литературе // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.* Сер. 1: Богословие. Философия. 2014. Вып. 6, № 56. С. 72–88.

наиболее распространенные смыслы, вкладываемые в понятие духовности в современной российской научной литературе. Итак, духовность понимается как вечные, общечеловеческие ценности, лежащие в основе нравственности, которые не сводятся к религиозности; как религиозное чувство, обычно рассматриваемое в контексте православного вероучения; преодоление личной ограниченности и саморазвитие; формальная образованность, включающая в себя творчество; проявление патриотизма, который толкуется в понятиях нравственности как «высшая ступень процесса духовно-нравственного развития личности россиянина»²⁵; недостижимый ностальгический идеал образовательного и политического процесса, лишенный какой-либо конкретики. Кроме того, бездуховность рассматривается как нравственный кризис современного общества, требующий возвращения к традиционным духовным ценностям.

Такая разнородность смыслов, вкладываемых в понятие духовности, подтверждает тезис П. Хиллса, согласно которому религия и духовность являются «культурными переменными», которые трансформируются в процессе культурных изменений, а также в процессе кросс-культурного применения исследовательских наработок²⁶. В зависимости от того, насколько инклюзивно исследователь определяет понятие религиозности и духовности, насколько он дифференцирует их, в объект исследования включаются либо не включаются те или иные аспекты религии и духовности, которые касаются отношения, поведения и идентичности.

Традиционно социология религии определяла уровень религиозности согласно установленному набору переменных: главный признак религии — вера в Бога или в сверхъестественное²⁷; главные признаки религиозности — религиозное сознание и религиозное поведение, т. е. исполнение предписанных религиозных практик: чтение молитв, денежные пожертвования религиозным институтам и т. д. Иными словами, традиционный набор переменных состоял большей частью из того, что можно объективно посчитать, закрывая глаза на возможность существования нетрадиционных или новых форм религиозности и духовности. Вера в Бога изначально измерялась номинально: возможными ответами на вопрос о вере в Бога были лишь «да» и «нет». Таким образом, многие аспекты духовной жизни человека, находящиеся за пределами институциональной религии, направленной на выполнение социальной функции, не попадали в поле изучения религии.

Благодаря переосмыслению места и проявления религии в современном мире и введению в научный оборот понятия духовности, кото-

²⁵ Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / под ред. А. Я. Данилюк, А. М. Кондакова, В. А. Тишкова. М.: Просвещение, 2009. С. 20.

²⁶ Hills P. Foreword // *Assessing spirituality in a diverse world*. P. vii–x.

²⁷ См. об этом: Ульянов Л. Н. Изменение характера религиозности // *К обществу, свободному от религии (Процесс секуляризации в условиях социалистического общества)* / отв. ред. П. К. Курочкин. М.: Мысль, 1970. С. 160–188.

рое не противоречит понятию религиозности, но переплетается с ним, часто подменяясь такими терминами как «живая религия» (lived religion, Н. Аммерман), «непривязанная религия» (unattached religion, Г. Дэви), «неопределенная религиозность» (fuzzy fidelity, Д. Воас), «новая духовность»²⁸ и др., предмет социологии религии вновь расширился, открыв огромные возможности для будущих исследований.

2. Материалы и методы

В области психологии и социологии религии и духовности нет единой доминирующей парадигмы. Напротив, эта область характеризуется исключительным многообразием концепций, теорий, методов и измерений²⁹. «Замерить» религию или духовность в принципе нельзя. Единственная возможность — измерение переменных, которые представляют различные аспекты определенных религий или духовностей.

Существует множество методов измерения духовности и/или религиозности. Так, труд «Измерение религиозности»³⁰, опубликованный в 1999 г. под редакцией П. Хилла и Р. Худа, представляющий собой справочник-компендиум по всем имеющимся на тот момент шкалам, насчитывает 17 различных категорий измерения религиозности, состоящих из 126 шкал, две из которых касаются измерения духовного здоровья. Однако огромный минус таких шкал состоит в том, что они предназначены для изучения мейнстримного проявления религиозности и духовности, т. е. духовности в рамках институциональной религии. В современном мире, в котором, например, все больше американцев ассоциируют себя с «духовными, но не религиозными», как правило, относя себя к «религиозно неаффилированным»³¹, а российские респонденты относят себя к православным верующим (56%), но при этом не считают веру в Бога одним из своих ценностных приоритетов (27%)³², трансформация понятий религиозности и духовности требует поиска новых работающих методов измерения, способных охватить новые внеинституциональные проявления духовности.

---

²⁸ См. подробнее о «новой духовности»: *Marianski J., Wargacki S.* New spirituality as a new social and cultural mega-tendency // *Anglojęzyczny Suplement Przeglądu Religioznawczego*. 2012. Vol. 1. P. 19–39.

²⁹ См. об этом: *Pargament K. I., Exline J. J., Jones J.* APA handbook in psychology: APA handbook of psychology, religion, and spirituality. Vol. 1: Context, theory, and research. Washington, DC: American Psychological Association, 2013.

³⁰ *Measures of religiosity* / eds P. C. Hill, R. W. Hood, Jr. Birmingham, AL: Religious Education Press, 1999.

³¹ *Lipka M., Gecewicz C.* More Americans now say they're spiritual but not religious // Pew Research Center. 2017. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/09/06/more-americans-now-say-theyre-spiritual-but-not-religious> (дата обращения: 15.09.2022).

³² *Задорин И. В., Хомякова А. П.* Религиозная самоидентификация респондентов в массовых опросах: что стоит за декларациями // *Полития*. 2019. № 3 (94). С. 161–184.

Объект данного исследования — новейшие подходы к изучению духовности и инструменты ее измерения, апробированные на представителях студенческой молодежи. Материалами для аналитического обзора послужили статьи, опубликованные в книге «Измерение духовности в многоликом мире», где каждая глава посвящена определенному теоретически обоснованному методу измерения религиозности/духовности, встроенному в общий контекст исследования религиозности/духовности в современной психологии и социологии религии. Мы отобрали измерительные шкалы внутри трех различных подходов к исследованию духовности, к которым относятся: подход к духовности как отличной от институциональной духовности; исследование нерелигиозной духовности; взгляд на духовность как на один из основных аспектов, конструирующих понятие смысла жизни. Полученные материалы обработаны с помощью классических методов научного исследования: описательного, аналитического, логического, метода сравнительного анализа.

3. Результаты исследования

3.1. Измерение «новой духовности»

Социологи религии Д. Хутман и П. Тромп спроектировали шкалу постхристианской духовности (Post-Christian Spirituality Scale, PCSS), ориентированную на измерение духовности в отрыве от христианского понимания религиозного авторитета, который более не рассматривается как превосходящий по сравнению с другими религиозными традициями³³. Данный инструмент может использоваться не только на респондентах с христианским бэкграундом, а слово «постхристианская» имеет отношение скорее к европейскому религиозному контексту.

Постхристианская духовность подходит к категории сакрального как к «размытому духу или жизненной силе, которые пронизывают и объединяют все мироздание и которые могут быть познаны только через личный опыт, что влечет за собой отрицание внешних источников религиозного авторитета как необоснованных»³⁴. Такой вид духовности невозможно измерить традиционными способами, так как мы имеем дело с мировоззрениями, разделяемыми представителями как религиозных, так и нерелигиозных сообществ. Соответственно постхристианская духовность не может быть определена в терминах членства, приверженности определенному религиозному/духовному сообществу и исполнения определенного набора практик.

Многие исследователи называют неограниченную свободу в построении собственной духовной идентичности феноменом «лоскутной рели-

³³ Houtman D., Tromp P. The post-Christian spirituality scale (PCSS): Misconceptions, obstacles, prospects // Ibid. P. 35–57.

³⁴ Ibid. P. 37.

гиозности» (patchwork religiosity)³⁵ или «шведским столом» (salad bar)³⁶, представляющим собой синтез различных элементов религиозных традиций, которым отдается предпочтение. Однако Д. Хутман и П. Тромп настаивают на том, что все эти представления, насколько бы разнородными они ни были, имеют под собой общие основания, в свою очередь, позволяющие взглянуть на постхристианскую духовность как на целостное экзистенциально межконфессиональное представление о мире и о своем месте в нем³⁷.

Согласно авторам концепции, постхристианское духовное мировоззрение состоит из семи логически переплетающихся компонентов: 1) перенниализм: все религии равнозначны, так как являются проявлением божественного и происходят из одного универсального духовного источника, тогда как особенности каждой из них привнесены самим человеком и отвлекают от самого главного — вовлечения в личный контакт с сакральным; 2) бриколаж: способ свободного обращения к разным религиям и их элементам, который непосредственно подходит конкретному человеку; 3) размытие и имманентность сакрального: сакральное как безликий дух, энергия или жизненная сила всегда присутствует в мире и космосе; 4) холизм: вездесущий дух, энергия, жизненная сила связывает все со всем в этом мире и космосе (Вселенной); 5) «живость» космоса: космос живой и находится в постоянном процессе изменения и эволюции, ему не противопоставляется область сакрального, так как она пронизывает его; 6) «самодуховность»: сакральное помещается внутри самого человека, а не вне его, «человек по своему существу является духовным»³⁸, поэтому, отрицая религиозные авторитеты, следует прислушиваться к собственному внутреннему голосу как к проявлению сакрального внутри себя; 7) экспериментальная эпистемология: акцент на опыте и эмоциях как эманации духовного «я» внутри личности на пути постижения истины, истинного знания³⁹.

В соответствии с этими семью компонентами, составляющими понятие постхристианской духовности, предложенная шкала насчитывает семь утверждений, каждое из которых оценивается по пятизначной шкале Лайкерта (Likert-Type Scale). Шкала PCSS не предназначена лишь для исследования духовности молодежи, однако она вполне может быть использована на данной выборке. Вместе с тем необходимо учитывать, что именно респонденты в возрасте от 15 до 24 лет наиболее склонны уходить от ответа, выбирая опцию «не знаю»⁴⁰. Следовательно, при использовании

³⁵ Nesbit E. Sikh diversity in the UK: Context and evolution // *Sikh in Europe: Migration, identity and representation* / ed. by K. A. Jacobsen, K. Myrvold. Burlington, VT: Ashgate, 2011. P. 225–252.

³⁶ См. об этом: Roof W. C. A generation of seekers: The spiritual journeys of the baby boom generation. San Francisco, CA: Harper and Row, 1993.

³⁷ Houtman D., Tromp P. The post-Christian spirituality scale (PCSS): Misconceptions, obstacles, prospects // *Ibid.* P. 40–41.

³⁸ Heelas P. The New Age movement: The celebration of the self and the sacralisation of modernity. Oxford, UK: Blackwell, 1996.

³⁹ Houtman D., Tromp P. The post-Christian spirituality scale. P. 44–47.

⁴⁰ *Ibid.* P. 51.

данной шкалы на студентах желательно продумать стратегию для снижения уровня нерелевантных ответов.

Сильная сторона PCSS, на наш взгляд, состоит в том, что религиозность и духовность не противопоставляются. Благодаря этому шкала способна «измерить» духовность как тех респондентов, которые относят себя к религиозно аффилированным, так и тех, которые не являются членом определенной религиозной традиции. Однако все же в первую очередь она направлена на выявление трансформации духовности в среде религиозных респондентов, тогда как респонденты, чье понимание духовности не имеет религиозных оснований, остаются вне фокуса исследования. К слабым сторонам шкалы также стоит отнести довольно размытые формулировки, которые непременно необходимо адаптировать под российский контекст, а также чрезмерную краткость самой шкалы. Вместе с тем нам видится эффективным использование PCSS для подготовки к более глубоким эмпирическим методам анализа, например глубинным интервью; также перспективно включение PCSS в другие шкалы, направленные на исследование разных аспектов духовности.

3.2. Исследование (не)религиозности/(не)духовности

Еще в 1999 г. П. Хилл и Р. Худ-мл. отмечали, что «не существует единого измерения, которое позволяет обоснованно оценить, насколько религиозными/нерелигиозными и духовными/недуховными считают себя респонденты вне зависимости от того, определяют ли они сами себя как религиозными, духовными или же ни теми, ни другими»⁴¹. Намеренное использование термина «недуховный» в данном контексте обусловлено значением, которое в него вкладывается, — это слово применяется как антоним слова «духовный», в отличие от понятия «бездуховный», определяемого в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова как «лишенный интеллектуального, духовного содержания»⁴².

В то время как многие шкалы пытаются уловить различные аспекты духовности, Т. Дж. Коулман-третий и Дж. Йонг исследовали феномен нерелигиозности/бездуховности, который охватывает намного больше, чем элементарное отрицание религиозной веры, и может обозначать целый комплекс представлений, касающихся вечных жизненных вопросов. В основании таких представлений нередко лежат не только научные убеждения, но и нерелигиозная духовность, включающая в себя чувства благоговения и удивления перед природным миром или чувство близости с миром и человечеством⁴³. По мнению авторов, проблема большинства

⁴¹ Measures of religiosity / eds P.C.Hill, R.W.Hood, Jr. Birmingham, AL: Religious Education Press, 1999. P.38.

⁴² Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова. М.: Мир и образование, Оникс, 2011. С. 71.

⁴³ Coleman T.J. III, Jong J. Counting the nonreligious: A critical review of new measures // Assessing spirituality in a diverse world. P.87–116.

существующих шкал религиозности и духовности, спроектированных психологами, состоит в том, что они изначально направлены на изучение религиозных людей, как в случае с PCSS; с их помощью можно выяснить лишь личностные мотивации религиозности и духовности респондентов и изменения их взглядов со временем, что практически не работает при исследовании нерелигиозного и недуховного населения.

Несмотря на это, за последние десятилетия появились шкалы, разработанные для изучения феномена светского проявления религиозности и духовности, которые могут быть полезными при изучении мировоззрения студентов. Хорошим примером служит «(не)религиозная/(не)духовная» шкала (NonReligious-NonSpiritual Scale, NRNSS), спроектированная специально для различения (не)религиозности/(не)духовности на основании связи (не)религиозности с институциональной религиозностью и (не)духовности с внеинституциональными личностными мировоззрениями. Респондентам задаются 17 вопросов, оцениваемых по пятибалльной шкале Лайкерта. Шкала была апробирована на студенческой выборке со средним возрастом 21 год.

Хотя данная шкала также фокусируется в первую очередь на исследовании степени религиозности и духовности, а не степени нерелигиозности и недуховности, она оказывается очень полезной при изучении последних, будучи способной уловить характеристики «духовных, но не религиозных» респондентов, а также религиозной веры в сверхъестественное, которое определяется как Бог, боги, высшие силы, священные области или миры, чудеса, телепатия⁴⁴. Более высокая сумма баллов по шкале отрицательно коррелирует с отдельными измерениями традиционной религиозности и религиозной морали и позитивно с измерениями светской морали. Однако среди респондентов, набравших низкие баллы и соответственно попавших в одну категорию, могут быть и атеисты, и гуманисты или неопределившиеся верующие — шкала не позволяет отделить их друг от друга.

Авторы также приводят пять новейших шкал⁴⁵ для изучения нерелигиозности/бездуховности: две шкалы, при помощи которых исследуется дискриминационное отношение к атеистам (Measure of Atheist Discrimination Experiences, MADE; Microaggressions Against Non-Religious Individuals Scale, MANRIS); шкалу обоснованности неверия в существование Бога (Reasons of Atheists and Agnostics for Nonbelief in God's Existence Scale, RANGES), которая рассматривает феномен неверия с разных сторон, позволяя обнаружить различные его проявления; шкалу измерений секулярности (Dimensions of Secularity, DoS), валидность которой довольно противоречива на данный момент и требует дальнейшей апробации; а также шкалу гуманизма (Humanism Scale, H-Scale), косвенно затрагивающую аспекты нерелигиозного/недуховного мировоззрения.

⁴⁴ См. подробнее: *Cragun R., Hammer J., Nielsen M.* The NonReligious-NonSpiritual scale (NRNSS): Measuring everyone from atheists to Zionists // *Science, Religion and Culture*. 2015. Vol. 2. P. 36–53.

⁴⁵ *Coleman T. J. III, Jong J.* Counting the nonreligious. P. 99–102.

Значительная часть российской студенческой молодежи в возрасте от 18 до 24 лет не отождествляет себя с религиозными людьми⁴⁶. Для исследования этой группы особенно интересной представляется апробация шкалы измерения дискриминационного опыта среди атеистов и его корреляции с духовным здоровьем студентов. Если высокий уровень духовности у студентов связывается исследователями с низким уровнем психологического стресса и высоким уровнем духовного здоровья, будут ли атеистические представления студентов ассоциироваться с более вероятными проявлениями депрессивных симптомов, а также низким качеством жизни?

3.3. Подход к духовности как части смысла жизни

Различные элементы духовности, включая религиозность, зачастую являются неотъемлемыми составляющими индивидуальной картины смысла жизни, который, в свою очередь, часто оказывается важным компонентом духовного здоровья и качества жизни. Он влияет на удовлетворенность жизнью, качество сна, скорость постоперационного восстановления, а также на уровень тревоги, суицидальные настроения и т. д.⁴⁷ Исследования показывают, что духовный смысл жизни играет особо важную роль в ситуациях, связанных со смертельными болезнями и потерей близких⁴⁸. При изучении молодежи также обнаружилось, что духовность в качестве внутренней религиозности (*intrinsic religiosity*) наиболее позитивно оказывается связана с установками, касающимися смысла жизни, нежели внешняя, институциональная религиозность⁴⁹.

Современные исследования сводят определение смысла жизни к трем аспектам: пониманию собственной жизни (чувство связности в салютогенетической парадигме А. Антоновского⁵⁰), цели жизни (чувство направленности), значимости (осознание значимости и ценности своей жизни).

⁴⁶ Православная вера и таинство крещения // ВЦИОМ. 2019 URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravoslavnaya-vera-i-tainstvo-kreshheniya> (дата обращения: 21.03.2020).

⁴⁷ См. подробнее: *Park C. L., George L. S., Ai A. L.* Measuring three distinct aspects of meaning in life: The Multidimensional Existential Meaning Scale (MEMS) // *Assessing spirituality in a diverse world*. P. 117–140.

⁴⁸ См. об этом: *Pargament K. I., Koenig H. G., Tarakeshwar N., Hahn J.* Religious coping methods as predictors of psychological, physical and spiritual outcomes among medically ill elderly patients: A two-year longitudinal study // *Journal of Health Psychology*. 2004. Vol. 9, no. 6. P. 713–730; *Bouso R. S., Serafim T., Misko M. D.* The relationship between religion, illness and death in life histories of family members of children with life-threatening diseases // *Revista Latino-Americana de Enfermagem*. 2010. Vol. 8, no. 2. P. 156–162; *MacConville U.* Mapping religion and spirituality in an Irish palliative care setting // *Omega*. 2006. Vol. 51, no. 1–2. P. 137–152.

⁴⁹ См., напр.: *Steger M. F., Frazier P., Oishi S., Kaler M.* The meaning in life questionnaire: Assessing the presence of and search for meaning in life // *Journal of Counseling Psychology*. 2006. Vol. 53. P. 80–93.

⁵⁰ См. об этом: *Осин Е. Н.* Чувство связности как показатель психологического здоровья и его диагностика // *Психологическая диагностика*. 2007. № 3. С. 22–40.

На основе этой трехчастной модели Л. Джордж и К. Парк разработали многомерную шкалу измерения экзистенциального смысла (Multidimensional Existential Meaning Scale, MEMS)⁵¹ для выявления более определенных связей каждого из аспектов с общим духовным здоровьем, которое обычно измеряется на основании одномерных шкал, что не позволяет проследить значение каждого из компонентов. Одной из гипотез авторов при конструировании шкалы стала соотнесенность аспекта значимости смысла жизни с ее духовной составляющей, так как именно она зачастую наделяет жизнь более глубоким смыслом. Апробация шкалы проходила в три этапа на студенческой выборке со средним возрастом студентов 19 лет.

Шкала MEMS может считаться одной из наиболее тщательно сконструированных, представленных во всем сборнике. Чтобы прояснить необходимость трехмерной шкалы, авторы протестировали ее в сравнении с существующими одномерными шкалами, такими как опросник смысла жизни (Meaning in Life Questionnaire, MLQ), шкала позитивного и негативного аффекта (Positive and Negative Affective Schedule, PANAS), шкала ежедневного духовного опыта (Daily Spiritual Experiences subscale, DSES), шкала ясности «Я-концепции» (Self-Concept Clarity Scale) и др. Валидизация шкалы показала, что каждый из аспектов смысла жизни имеет уникальную прогностическую значимость, а гипотеза о тесной связи значимости жизни с духовностью подтвердилась: именно по шкале значимости респонденты набрали наибольшее количество баллов, связанных с переживанием божественного присутствия в их жизни, а также с восприятием своего тела как священного. Однако ученые из Университета Сассека в лонгитюдном исследовании данной шкалы на студенческой выборке, подтвердив гипотезу о том, что именно чувство значимости выступает наиболее постоянным и важным элементом в восприятии респондентами своей жизни как имеющей смысл, пришли к заключению, что данная переменная не зависит от переживания сакрального в жизни человека и может иметь совершенно светский характер (быть значимой для близких или будущих поколений)⁵².

В отличие от шкалы постхристианской духовности, многомерная шкала смысла жизни представляется наиболее универсальной для межкультурных и внеконфессиональных исследований духовности. Особенно интересным становится влияние специфичного культурного контекста — как принятые культурные нормы, ценности и убеждения отражаются на личностной дефиниции смысла жизни.

---

⁵¹ Park C.L., George L.S., Ai A.L. Measuring three distinct aspects of meaning in life: The Multidimensional Existential Meaning Scale (MEMS) // *Assessing Spirituality in a Diverse World*. P.117–140.

⁵² Costin V., Vignoles V.L. Meaning is about mattering: Evaluating coherence, purpose, and existential mattering as precursors of meaning in life judgments // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2020. Vol. 118, no. 4. P.864–884.

Заключение

В рамках статьи невозможно осветить все новейшие подходы к измерению религиозности и духовности, представляющие интерес для исследования духовности студенческой молодежи. Количество инструментов измерения и теоретических подходов к изучению духовности стремительно растет, что, в свою очередь, требует более широкой апробации предложенных методик на представителях разных культур. Один и тот же ответ респондента из высокосекуляризированных стран Западной Европы и респондента из традиционно религиозной страны можно интерпретировать совершенно по-разному. Поэтому при конструировании вопросов и применении уже готовых шкал измерений необходимо учитывать культурный бэкграунд респондентов и адаптировать шкалы к соответствующему контексту.

К моменту написания статьи ни одна из рассмотренных шкал не была апробирована на русских респондентах или даже переведена на русский язык. Отечественные социологи продолжают рассматривать религиозность и духовность только в качестве институциональной религиозности, не обращая особого внимания на религиозность/духовность студенческой молодежи. Включение подходов к духовности, позволяющих взглянуть на нее как на многогранное понятие, позволит не только получить новые данные о взглядах на духовность в студенческой среде, но и проследить влияние духовности на духовное здоровье студентов, необходимое для их гармоничного развития и успешного преодоления стрессовых ситуаций в не самый простой период жизни, порой связанный с кардинальными переменами. Для этой цели считаем необходимым обратить особое внимание на подход к духовности как к одному из аспектов смысла жизни человека и на связанную с ним многомерную шкалу измерения экзистенциального смысла (MEMS). Позитивная корреляция духовности как смысла жизни с духовным здоровьем откроет новые перспективы как для исследователей религии, так и для психологов и педагогов, непосредственно работающих со студентами.

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2022 г.;
рекомендована к печати 21 ноября 2022 г.

Контактная информация:

Блинкова Александра Олеговна — канд. филос. наук, науч. сотр.;
alexandrablinkova@gmail.com

How to measure spirituality? Review of new methodologies in the research of spirituality*

A. O. Blinkova

Oslo Metropolitan University,
4, P.O., St Olavs plass, Oslo, 0130, Norway

For citation: Blinkova A. O. How to measure spirituality? Review of new methodologies in the research of spirituality. *Issues of Theology*, 2023, vol. 5, no. 1, pp. 147–164. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2023.109> (In Russian)

Inconsistency of the universal character of the theory of secularisation and the increasing presence of religion in social life has resulted in a new paradigm in sociology of religion, according to which religion has not been losing its social significance but has been transforming. Religiousness and spirituality are being differentiated, with the latter often being a wider construct that also includes religiousness. The article presents an analytical review of some of the new approaches and measuring scales published in “Assessing Spirituality in a Diverse World” in 2021 under the editorship of A. L. Ai, P. Wink et al. These scales are specifically interesting for the further application of the methods to multidimensional research of students’ spirituality. During the research the concept of ‘spirituality’, widely used in educational field, was specified within new paradigms in sociology and psychology of religion; and three of the most recent approaches in the study of spirituality including research of ‘new’ spirituality, (non)religiosity/ (non)spirituality, and spirituality as an aspect of meaning in life were analysed. The analysis shows potential strengths and weaknesses of the showcased measuring instruments. Review of the recent western theories and methodologies in the study of spirituality, developing within the field of sociology and psychology of religion, enriches interdisciplinary knowledge exchange and invites researches from other fields of humanities to test existing western methodologies in Russian context.

Keywords: spirituality, religiosity, religiousness, sociology of religion, psychology of religion, student youth.

References

- Adams T. B., Bezner J. R., Drabbs M. E., Zambarano R. J., Steinhardt M. A. (2000) “Conceptualization and measurement of the spiritual and psychological dimensions of wellness in a college population”, in *Journal of American College Health*, vol. 44, pp. 165–173.
- Ai L. A., Wink P., Paloutzian R. F., Harris K. A., eds (2021) *Assessing spirituality in a diverse world*. Switzerland, Springer.
- Austin P., Macdonald J., MacLeod R. (2018) “Measuring spirituality and religiosity in clinical settings: A scoping review of available instruments”, in *Measures of spirituality/religiosity*. Ed. by A. Büssing, pp. 2–15. Basel; Beijing; Wuhan; Barcelona; Belgrade, MDPI Books.
- Baring R., Sarmiento P. J., Sibug N., Lumanlan P., Bonus B., Samia C., Reysen S. (2018) “Filipino College students’ attitudes towards religion: An analysis of the underlying factors”, in *Measures of spirituality/religiosity*. Ed. by A. Büssing, pp. 102–115. Basel; Beijing; Wuhan; Barcelona; Belgrade, MDPI Books.

---

* The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project no. 21-011-44224 “Factors of the formation of students’ socio-cultural identity in the context of polyconfessionalism: Theological and psychological-pedagogical approaches”.

- Bouso R. S., Serafim T., Misko M. D. (2010) “The relationship between religion, illness and death in life histories of family members of children with life-threatening diseases”, in *Revista Latino-Americana de Enfermagem*, vol. 8, no. 2, pp. 156–162.
- Chandler C., Holden J., Kolander C. (1992) “Counseling for spiritual wellness: Theory and practice”, in *Journal of Counseling and Development*, vol. 71, no. 2, pp. 168–175.
- Coleman T. J. III, Jong J. (2021) “Counting the nonreligious: A critical review of new measures”, in *Assessing spirituality in a diverse world*. Eds L. A. Ai, P. Wink, R. F. Paloutzian, K. A. Harris, pp. 87–116. Switzerland, Springer.
- Costin V., Vignoles V. L. (2020) “Meaning is about mattering: Evaluating coherence, purpose, and existential mattering as precursors of meaning in life judgments”, in *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 118, no. 4, pp. 864–884.
- Cragun R., Hammer J., Nielsen M. (2015) “The NonReligious-NonSpiritual Scale (NRNSS): Measuring everyone from atheists to Zionists”, in *Science, Religion and Culture*, vol. 2, pp. 36–53.
- Danilyuk A., Kondakov A., Tishkova V., eds (2009) *Concept of spiritual and moral development and education of Russian citizen's personality*. Moscow, Prosveshchenie Publ. (In Russian)
- Dennis D., Muller S. M., Miller K., Banerjee P. (2004) “Spirituality among a college student cohort: A quantitative assessment”, in *American Journal of Health Education*, vol. 35, pp. 220–227.
- Eliade M. (1969) *The quest: History and meaning in religion*. The University of Chicago Press, 1969.
- Fahlberg L. L., Fahlberg L. A. (1991) “Exploring spirituality and consciousness with an expanded science: Beyond the ego with empiricism, phenomenology, and contemplation”, in *American Journal of Health Promotion*, vol. 5, no. 4, pp. 273–281.
- Guryev N. D. (1990) *About good and evil*. Moscow, Prometei Publ. (In Russian)
- Heelas P. (1996) *The New Age movement: The celebration of the self and the sacralisation of modernity*. Oxford, UK, Blackwell.
- Heelas P., Woodhead L. (2005) *The spiritual revolution: Why religion is giving way to spirituality*. Oxford, UK, Blackwell.
- Hill P. C., Hood R. W., Jr, eds (1999) *Measures of religiosity*. Birmingham, AL: Religious Education Press.
- Houtman D., Heelas P., Achterberg P. (2012) “Counting spirituality? Survey methodology after the spiritual turn”, in *Annual Review of the Sociology of Religion*, vol. 3, pp. 25–44.
- Houtman D., Tromp P. (2021) “The Post-Christian Spirituality Scale (PCSS): Misconceptions, obstacles, prospects”, in *Assessing spirituality in a diverse world*. Eds L. A. Ai, P. Wink, R. F. Paloutzian, K. A. Harris, pp. 35–57. Switzerland, Springer.
- King P. E., Boyatzis C. J. (2004) “Exploring adolescent spiritual and religious development: Current and future theoretical and empirical perspectives”, in *Applied Developmental Science*, vol. 8, no. 1, pp. 2–6.
- Kolkunova K., Malevich T. (2014) “The notion of spirituality in modern Russian literature”, in *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 1: Bogoslovie. Filosofii. Religiovedenie*, vol. 6, no. 56, pp. 72–88. (In Russian)
- Lipka M., Gecewicz C. (2017) “More Americans now say they're spiritual but not religious”, in *Pew Research Center*. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/09/06/more-americans-now-say-theyre-spiritual-but-not-religious> (accessed: 15.09.2019).
- MacConville U. (2006) “Mapping religion and spirituality in an Irish palliative care setting”, in *Omega*, vol. 51, no. 1–2, pp. 137–152.
- Marianski J., Wargacki S. (2012) “New spirituality as a new social and cultural mega-tendency”, in *Anglojęzyczny Suplement Przeglądu Religioznawczego*, vol. 1, pp. 19–39.
- Nartova-Bochaver S., Donat M., Rüprich C. (2019) “Subjective well-being from a just-world perspective: A multi-dimensional approach in a student sample”, in *Frontiers in Psychology*, vol. 10, art. 1739. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01739>

- Nesbit E. (2011) "Sikh diversity in the UK: Context and evolution", in *Sikh in Europe: Migration, identity and representation*. Ed. by K. A. Jacobsen, K. Myrvold, pp. 225–252. Burlington, VT, Ashgate P.
- Ng N. (2001) "Spirituality and theology. A review and perspective of their relationship", in *Theology*, vol. 104, no. 818, pp. 115–122.
- Nolan P., Crawford P. (1997) "Towards a rhetoric of spirituality in mental health care", in *Journal of Advanced Nursing*, vol. 26, pp. 289–294.
- Osin E. N. (2007) "Feeling of connectedness as a marker of psychological health and its diagnostics", in *Psikhologicheskaja diagnostika*, vol. 3, pp. 22–40. (In Russian)
- Ozhegov S. I., ed. (2011) *Dictionary of the Russian language*. Moscow, Mir i obrazovanie Publ., Oniks Publ. (In Russian)
- Pargament K. I., Exline J. J., Jones J. (2013) *APA handbook in psychology: APA handbook of psychology, religion, and spirituality*. Vol. 1: *Context, theory, and research*. Washington, DC, American Psychological Association.
- Pargament K. I., Koenig H. G., Tarakeshwar N., Hahn J. (2004) "Religious coping methods as predictors of psychological, physical and spiritual outcomes among medically ill elderly patients: A two-year longitudinal study", in *Journal of Health Psychology*, vol. 9, no. 6, pp. 713–730.
- Park C. L., George L. S., Ai A. L. (2021) "Measuring three distinct aspects of meaning in life: The Multidimensional Existential Meaning Scale (MEMS)", in *Assessing spirituality in a diverse world*. Eds L. A. Ai, P. Wink, R. F. Paloutzian, K. A. Harris, pp. 117–140. Switzerland, Springer.
- Pourrat P. (1924) *Christian spirituality in the Middle Ages*. London, Burns Oates and Washbourne.
- Roof W. C. (1993) *A generation of seekers: The spiritual journeys of the baby boom generation*. San Francisco, CA, Harper and Row.
- Rutkevitch E. D. (2014) "Sociology of spirituality': Problems of creation", in *Vestnik instituta sotsiologii*, vol. 9, pp. 36–65. (In Russian)
- Rutkevitch E. D. (2014) "From 'religiosity' to 'spirituality': The European context", in *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov*, vol. 1, pp. 5–25. (In Russian)
- Salsman J. M., Brown T. L., Bretching E. H., Carlson C. R. (2005) "The link between religion and spirituality and psychological adjustment: The mediating role of optimism and social support", in *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 31, pp. 522–535.
- Shmonin D. V. (2002) "About Jesuit philosophy, or 'Three grains of gold in the slag of scholasticism'", in *Voprosy filosofii*, vol. 5, pp. 141–152. (In Russian)
- Shmonin D. V. (2013) "The scholastic paradigm of education in the context of historical forms of translating the knowledge: Formulation of the problem", in *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 17. Philosophy. Conflict studies. Culture studies. Religious studies*, vol. 2, pp. 32–37. (In Russian)
- Shmonin D. V. (2017) "'Toledo principles' and theology in school", in *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 35, no. 4, pp. 72–88. (In Russian)
- Starbuck E. D. (1899) *The psychology of religion: An empirical study of the growth of religious consciousness*. London, Cornell University Library.
- Steger M. F., Frazier P., Oishi S., Kaler M. (2006) "The meaning in life questionnaire: Assessing the presence of and search for meaning in life", in *Journal of Counseling Psychology*, vol. 53, pp. 80–93.
- Stepanova E. A. (2011) "New spirituality and old religions", in *Religiovedenie*, vol. 1, pp. 127–134. (In Russian)
- Ulyanov L. N. (1970) "Change of religiosity character", in *Towards society free from religion (Process of secularisation within socialist society)*. Ed. by P. K. Kurochkin, pp. 160–188. Moscow, Mysl' Publ. (In Russian)
- Uzlaner D. (2019) *The end of religion? A history of the theory of secularization*. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ. (In Russian)

- Van der Veer P. (2009) “Spirituality in modern society”, in *Social Research*, vol. 76, no. 4, pp. 1097–1120.
- Warner R. S. (1994) “Work in progress toward a new paradigm for the sociological study of religion in the United States”, in *American Journal of Sociology*, vol. 98, pp. 1044–1093.
- Woodhead L. (2009) “Old, new, and emerging paradigms in the sociological study of religion”, in *Nordic Journal of Religion and Society*, vol. 22, no. 2, pp. 103–121.
- Zadorin I. V., Khomyakova A. P. (2019) “Religious self-identification of respondents in mass surveys: What is behind declared religiosity?”, in *Politika*, vol. 3, no. 94, pp. 161–184. (In Russian)

Received: September 14, 2022

Accepted: November 21, 2022

Author's information:

Alexandra O. Blinkova — Postdoctoral Researcher; alexandrablinkova@gmail.com